

Оригинальная статья / Original article

УДК 902.64/904

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-40-51>

Снаряжение коня у населения лесостепного Забайкалья в XII–XIV вв.

© А.А. Номоконов

Забайкальское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», г. Чита, Россия

Аннотация: Восточное Забайкалье являлось регионом, в котором скрещивались судьбы монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов. Эти народы оставили после себя многочисленные памятники, большая часть которых относится к погребениям. Результатом многолетних археологических работ под руководством И.И. Кириллова и Е.В. Ковычева в лесостепной полосе Восточного Забайкалья явилось открытие значительного числа захоронений первой половины II тыс. н. э. и накопление большого фактического материала. Основная масса захоронений расположена в бассейнах р. Ингоды и ее притоках, Ивано-Арахлейских (Беклемишевских) озер, верхнем течении р. Шилки. И.И. Кириллов объединил упомянутые погребения в ундугунскую археологическую культуру, связав ее с тунгусоязычными племенами и определив хронологические рамки существования XII–XV вв. В статье обобщены данные более 80 захоронений, исследованных в лесостепной зоне Восточного Забайкалья, относящихся к первой половине II тыс. н. э. Кратко рассматривается погребальный обряд ундугунской культуры в сравнении с погребальной обрядностью средневековых монголов. Ставится под сомнение принадлежность ундугунской культуры к тунгусоязычным племенам. Делается попытка обоснования культурной идентичности степного и лесостепного населения Восточного Забайкалья. Анализируя предметы конского снаряжения, И.И. Кириллов провел верхнюю границу существования ундугунской культуры XIV–XV вв. В работе более подробно описывается и интерпретируется вещевой комплекс ундугунской культуры, принадлежащий предметам снаряжения верхового коня. Предметы конского снаряжения сравниваются с аналогичными предметами, найденными за пределами лесостепного Забайкалья. На основании анализа вещевого комплекса и погребального обряда уточняются временные рамки существования ундугунской культуры.

Ключевые слова: ундугунская культура, монгольское время, погребальный инвентарь, погребение, конское снаряжение, погребальный обряд, Восточное Забайкалье, монгольская культура, кочевники

Информация о статье: Дата поступления 3 мая 2020 г.; дата принятия к печати 1 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Номоконов А.А. Снаряжение коня у населения лесостепного Забайкалья в XII–XIV вв. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 40–51. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-40-51>

Horse ammunition in the population of forest-steppe Transbaikalia in XII–XIV centuries

© Alexei A. Nomokonov

Transbaikal Regional Branch of the All-Russian Public Organization “The All-Russian Society for the Protection of Sites of History and Culture”, Chita, Russia

Abstract: Eastern Transbaikalia was a region in which the fates of the Mongolian, Turkic and Tungus-Manchu peoples crossed. These peoples left behind numerous sites, most of which relate to burials. As the main result of years of archaeological work under the direction of I. Kirillov and E. Kovychev in the forest-steppe zone of the Eastern Transbaikalia was the discovery of a significant number of graves of the first half of 2 millennium AD and the accumulation of a large factual data. The bulk of the burials are located in the basins of the Ingoda River and its tributaries, Ivano-Arakhleysky (Beklemishevsky) lakes, the upper reaches of the Shilka River. I. Kirillov united the mentioned burials in the Undugun Archaeological Culture, connected it with Tungus-speaking tribes and defined the chronological framework of the existence of the XII–XV centuries. The article summa-

izes the data of more than 80 burials studied in the forest-steppe zone of Eastern Transbaikalia, belonging to the first half of the second millennium AD. The funerary rite of the Undugun Culture is briefly considered in comparison with the funerary rite of the medieval Mongols. It is questioned whether the Undugun culture belongs to Tungus-speaking tribes. An attempt is made to substantiate the cultural identity of the steppe and forest-steppe population of Eastern Transbaikalia. Analyzing objects of horse equipment I. Kirillov drew the upper boundary of the existence of the Undugun Culture in the XIV–XV centuries. A more detailed description and interpretation of the Undugun Culture's clothing complex, which belongs to items of riding horse equipment. Items of horse equipment are compared with similar items found outside the forest-steppe Transbaikalia. Based on the analysis of the clothing complex and the funeral rite, the time limits are specified.

Keywords: Undugun Culture, Mongolian time, the accompanying inventory, burial, harness, funeral rites, Eastern Transbaikalia, Mongolian culture, nomads

Article info: Received May 3, 2020; accepted for publication June 1, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Nomokonov A.A. (2020) Horse ammunition in the population of forest-steppe Transbaikalia in XII–XIV centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 40–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-40-51>

Введение

Степи и лесостепи Восточного Забайкалья издревле являлись местом проживания кочевых народов. Тысячелетиями здесь существовали различные археологические культуры, сосуществовавшие или сменявшие друг друга. Вначале II тыс. н. э. на территории региона происходит расселение монгольских племен, оказавших большое влияние на хозяйственную и культурную жизнь Восточного Забайкалья. Так, например, в лесостепном Забайкалье происходит смена погребальной обрядности.

Для второй половины I тыс. н. э., на указанной территории характерны две погребальные традиции. Одна из них относится к бурхоутуйской культуре (Ковычев, 2011а). Погребения ее чаще всего расположены в узких и глухих распадах, у подножья гор или скальных выходов, где они сливаются с каменными осыпями (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 20). Для захоронения умершего выкапывалась вытянуто-овальная или подпрямоугольная, с закругленными углами, могильная яма глубиной от 45 до 210 см. Усопшего располагали на спине в вытянутом положении головой на ЗСЗ. Внутримогильных конструкций не обнаружено, но в ряде случаев отмечено, что покойный располагался на каменных ложах-вымостках или в каменных ящиках-цистах (Там же. С. 108). В изголовье умершему, с правой или левой стороны, обычно ставили глиняный горшок с жертвенной пищей – это является одним из маркеров бурхоутуйской культуры. После

могильную яму засыпали, при этом ее забутовывали камнями. В засыпке могильных ям, наряду с камнями забутовки, встречаются древесные угольки от очистительных очажков и фрагменты костей животных (Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И., 2000. С. 74). Сверху могильную яму перекрывали мощной, в три-четыре слоя камней, куполообразной кладкой округлой формы диаметром 3–5 м (Ковычев, 2011а. С. 83).

Вторая погребальная традиция принадлежит дарасунской культуре (Ковычев, 2011b). Для захоронения своих усопших представители дарасунской культуры выбирали южные и юго-западные склоны гор, выкапывая неглубокие (до 90 см) ямы овальной или прямоугольной, но с закругленными углами, формы. Умерших располагали на правом или левом боку с подогнутыми ногами. Руки чаще всего сгибали в локтях и поднимали кистями к лицу (Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И., 2000. С. 64). Встречаются погребения, в которых умерший расположен в сильно скорченном положении, с подтянутыми к подбородку или выдвинутыми вперед коленями, в ряде случаев обхваченными руками (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 114). Головой усопших ориентировали на север, СВ, реже – на восток, крайне редко – на ЮВ и СЗ (Ковычев, 2011b. С. 368). Внутримогильных конструкций в захоронениях дарасунской культуры не обнаружено, за исключением ряда погребений, в которых зафиксированы каменные плитки-«подушки», под-

ложенные под голову умершего, или остатки от каменной выкладки под погребенным, а также плиточного или берестяного перекрытия сверху. После устройства умершего в необходимой позе и снабжения определенным инвентарем, а также в ряде случаев жертвенной пищей, представленной бараньей лопаткой с воткнутым в нее ножом, могильную яму засыпали, при этом, в некоторых погребениях фиксируется забутовка ямы камнями (Ковычев, 2011b. С. 368). В засыпке могильных ям встречаются древесные угольки от очистительных очажков, а также часто фрагменты керамических сосудов. В некоторых погребениях очажки разво-дильсь на дне ямы. Засыпанную могильную яму сверху перекрывали чаще всего плоской каменной кладкой, в большинстве случаев выложенную в один, реже в два-три слоя. Надмогильные сооружения имеют округлую, овальную или подквадратную форму диаметром до 4 м. Иногда под кладкой фиксируются древесные угольки, фрагменты костей животных и фрагменты керамики.

На смену бурхотуйской и дарасунской культурам приходит новая культура – ундугунская. Могильники ундугунской культуры расположены в лесостепной полосе Восточного Забайкалья в бассейнах р. Ингоды и ее притоках, Ивано-Арахлейских (Беклемишевских) озер, верхнем течении р. Шилки. Чаще всего они находятся на южном или юго-западном склоне горы (реже – на западном), который выходит к ручью или озеру.

Ундугунскую культуру выделил И.И. Кириллов в 70-е гг. XX в. Исследователь соотнес ее с тунгусоязычным населением региона и определил время существования культуры XII–XV вв. (Кириллов, 1983). Исследователь, признавая близость захоронений ундугунской культуры и погребений «раннемонгольского типа», выделял отличительные черты первых, позволяющие отнести ундугунские погребения к тунгусоязычным племенам. К ним относятся: 1) наличие вторичных погребений и использование «лодок-долбленок» (в качестве погребальных колод); 2) широкое использование кости и рога для изготовления различных предметов; 3) различие орнаментальных мотивов на изделиях, близость их к орнаментальным мотивам эвенков –

«развитый геометрический узор» (Там же. С. 136–137).

С момента выделения ундугунской культуры прошло порядка 40 лет и, естественно, за этот промежуток времени был накоплен значительный фактический материал. Проанализировав большую часть погребений ундугунской культуры, а это более 80 захоронений, мы пересмотрели позицию И.И. Кириллова о принадлежности ее к тунгусоязычному населению края. По нашему мнению, население лесостепного Забайкалья составляло единую культурную общность с монгольским населением центрально-азиатских и забайкальских степей.

Хотя обоснование данной позиции это тема отдельной работы, постараемся кратко осветить нашу точку зрения. Основываясь на материалах могильников Окошки-I и Чиндант-I, А.В. Харинский охарактеризовал погребальный обряд монголов имперского периода, выделив в нем элементы первого, второго и третьего порядка (Харинский, 2013. С. 130–131; Харинский, Ковычев, Крадин, 2011; Харинский, Ковычев, Крадин, 2016. С. 68). К первому порядку относятся элементы, зафиксированные во всех погребениях: а) сооружение вертикальной могильной ямы; б) наличие плоской овальной или круглой курганной каменной кладки, перекрывающей могильную яму; в) индивидуальные захоронения – одна могильная яма, один погребенный; г) трупоположение вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Ко второму порядку исследователь отнес элементы, отмеченные в более чем 80 % погребений, а именно: а) наличие деревянной внутримогильной конструкции; б) ориентировка усопших на север или СВ. К элементам третьего порядка отнесено наличие в захоронениях костей барана (кости голени, лопатка, позвонки), зафиксированные почти в 50 % захоронений.

Погребения ундугунской культуры вполне вписываются в эту схему. Так, для них характерны и вертикальные могильные ямы, и плоские, в подавляющем большинстве имеющие форму овала (в том числе, вытянуто-овальные и округлые кладки) надмогильные конструкции, и индивидуальные захоронения, за исключением одного случая, за-

фиксированного на могильнике Дворцы-VIII в погребении № 5 (парное захоронение), и положение умершего вытянуто на спине. В 64 % случаев в захоронениях ундугунской культуры зафиксированы деревянные внутримогильные конструкции, подавляющее большинство которых относится к колодам, а в 79 % погребений умерший ориентирован на север, ССВ или СВ. Не является исключением и элемент третьего порядка – в 40 % захоронений зафиксированы бараньи кости, в подавляющем большинстве случаев представленные берцовой костью, находящейся в вертикальном положении в изголовье или в средней части могильной ямы.

Конечно, необходимо обратить внимание на то, что погребальные колоды в захоронениях ундугунской культуры разнообразнее по форме в отличие от колод из погребений степных монголов. Нами было выделено семь групп колод, которые в свою очередь подразделяются на типы (Номоконов, 2017). В монгольских захоронениях Юго-Восточного Забайкалья встречаются три типа колод, принадлежащих двум группам. И, наоборот, в погребениях степных монголов более разнообразны типы, относящиеся к гробовищам. Все же рассматривая внутримогильные конструкции захоронений XII–XIV вв. из лесостепного Забайкалья в целом, мы приходим к выводу, что они схожи с конструкциями из синхронных монгольских погребений, хотя отличаются вариативностью. Например, захоронения с колодами встречаются как в лесостепи, так и на юго-востоке края, но в первом случае колод различных групп и типов больше. С другой стороны, в монгольских погребениях гораздо чаще встречаются захоронения с гробовищами, при этом фиксируются различные типы. Общность погребального обряда лесостепных и степных захоронений говорит об их культурной близости, присутствие же ряда отличий предполагает существование определенной самобытности погребений из лесостепной полосы Восточного Забайкалья. Эти различия должны были появиться, во-первых, из-за большого ареала распространения монгольских племен, и, во-вторых, из-за разных природно-климатических условий существования степного и лесостепного населения.

Мы также ставим под сомнение и еще одно положение, выдвинутое И.И. Кирилловым, по поводу времени существования ундугунской культуры. По мнению ученого, предметы конского снаряжения «позволяют уточнить верхнюю границу существования ундугунской культуры... XIV–XV вв. н. э.» (Кириллов, 1983. С. 137). Ниже мы детально рассмотрим предметы конского снаряжения из ундугунских погребений и сравним их с аналогичными предметами сопредельных территорий, что позволит нам применить сравнительно-хронологический метод для определения временных рамок существования культуры.

Снаряжение верхового коня

К указанной категории находок относятся удила, стремяна, фурнитура, украшения амуниции коня. В большинстве случаев предметы конского снаряжения фиксировались в ногах умершего, с правой или левой стороны, внутри и за пределами внутримогильной конструкции, а также на крышке ее перекрытия. В редких случаях амуниция коня находилась в изголовье умершего. Подробное описание расположения конского снаряжения представлено в таблице.

Частой находкой являются удила. Подавляющее большинство их относится к двусоставным кольчатым удилам двух типов: с равными половинками грызла (рис. 1.4) и с половинками разной длины (рис. 1.3). Одна половинка грызла варьирует в пределах от 6,7 до 12,2 см. Внутренний диаметр колец-псалий равен 3,0–5,5 см. Разница в длине половинок грызла удила второго типа составляет 2,0–5,5 см. Удила с неравными половинками грызла довольно часто встречаются в памятниках Предбайкалья и Забайкалья в первой половине II тыс. н.э. По мнению Б.Э. Петри, кольчатые удила с неравными половинками предназначались для того, чтобы управлять лошастью одной рукой. При таких удилах только левый повод пропускнулся по общепринятому способу, а правый подводился под подбородок коня и далее на левую сторону шеи, таким образом, оба повода оказывались с левой стороны коня и держались в левой руке (Петри, 1923. С. 21).

Расположение конского снаряжения в погребении

location of horse equipment in the burial

№ п/п	Наименование предмета	Расположение в погребении по отношению к умершему	Нахождение (могильник, погребение)
1.	Удила	В ногах	Ундугун п.п. 1, 2, 10 Новотроицк-1 п. 1 Новотроицк-III п.п. 2, 4, 7 Илимка-V п. 1, 5 (в южной части) Дворцы-III п.1 Дворцы-V п. 1, 2 Дворцы-VIII п. 5
		На уровне колен справа от умершего	Новотроицк-II п. 3 Новотроицк-III п. 5 Дарасун-VI п. 12 Илимка-V п. 4 Дворцы-III п. 3 Лукия-III п. 6
		На уровне колен слева от умершего	Новотроицк-II п. 4
		В средней части ямы слева от умершего	Ундугун п. 4
		В средней части ямы справа от умершего	Дворцы-III п. 4 Дворцы-VII п. 1
		В изголовье	Ундугун п. 11 Бутуй-I п. 5 Лукия-III п. 11
		Не установлено	Ундугун п. 6 Новотроицк-I п. 2 Новотроицк-II п. 11 Бутуй-I п. 8 (кенотаф) Дворцы-III п.п. 2
2.	Стремена	В ногах	Ундугун п. 6 (1 шт.) Дворцы-III п. 1 (2 шт.)
		На уровне колен справа от умершего	Ундугун п. 8 (1-ое стремя)
		В средней части ямы слева от умершего	Ундугун п. 8 (2-ое стремя)
		Не установлено	Бутуй-I п. 8 (кенотаф/ 1 шт.)
3.	Подпружные пряжки	В ногах	Ундугун п. 10
		В изголовье	Ундугун п. 8
		В средней части ямы справа от умершего	Дарасун-VI п. 12 Новотроицк-II п. 9
4.	Бляшки, торока, распределители, украшение амуниции коня	В ногах	Ундугун п. 6 (кост. накладки) Ундугун п. 8 (торока) Новотроицк-III п. 2 (торок) Новотроицк-III п. 7 (султанчик, под-

		веска)
	На уровне колен	Ундугун п. 8 (кост. накладки и жел. пластинки)
	В средней части ямы справа от умершего	Новотроицк-III п. 5 (распред)
	В центральной части ямы	Ундугун п. 6 (бр. бляшки)
	Не установлено	Ундугун п. 7 кенотаф (торока) Новотроицк-I п. 3 (распред.) Дворцы-III п. 1 (торока)

Из 30 обнаруженных удиц 10 имеют равные половинки грызла, 9 разной длины, 7 сохранили только одну половинку и 3 сильно разрушены. Только в погребении № 11 могильника Новотроицк-II найдены удила, отличные от вышеописанных типов. Они состоят из двух половинок грызла (9,0 и 9,6 см каждая); концы их переходят в кольца, внутренний диаметр которых равен 1,9 см (рис. 1.2).

Стремена встречены только в материалах трех могильников – Ундугун (рис. 1.1), Дворцы-III и Бутуй-I. И.И. Кириллов отнес стремена из погребений ундугунской культуры к трем типам: «арочной формы с невысоким прямоугольным выступом и прямоугольной же петлей в дужке, с прямыми или слегка выгнутыми подножками; арочной формы, но с невысоким прямоугольным выступом и дугообразной бородкой в основании дужки, с подножкой выгнутой формы; подтреугольные стремена с прямой подножкой и прямоугольной петлей» (Кириллов, 1983. С. 132–133). Так, в погребении № 8 могильника Ундугун зафиксированы стремена первых двух типов. Первое стремя имеет высоту 16,4 см, ширину возле подножки 14,6 см, выделенное ушко подпрямоугольной формы с подпрямоугольным вырезом в нем (размер выреза 1,3 x 2,9 см). У стремени подквадратное сечение дужек (1,0 x 1,1 см) и выгнутая Е-образная (имеет продольный валик) подножка шириной 6,6 см. Второе стремя (также арочной формы) имеет высоту 14 см, ширину возле подножки 13,1 см, выделенное ушко подпрямоугольной формы с подпрямоугольным вырезом в нем (размер выреза 0,6 x 2,4 см), а также подквадратное сечение дужек (0,7 x 0,9 см). Отличием является то, что у второго стремени под вырезом имеется выступ, а подножка прямоугольная в сечении (ширина ее 5 см). В погребении № 1

могильника Дворцы-III найдено стремя третьего типа. Оно имеет подтреугольную форму, невыделенное треугольное ушко с подпрямоугольным вырезом (размер выреза 0,7 x 1,9 см), прямую подножку П-образной формы (ширина подножки 4,4 см). Высота стремени составляет 12,8 см, ширина возле подножки 12 см, дужки имеют подпрямоугольное сечение 0,4 x 1,0 см.

В погребении № 8 могильника Бутуй-I найдено железное стремя, конструкция которого несколько отличается от вышеописанных типов (рис. 1.5). Ушко стремени представляет собой отдельную петлю (2,8 x 3,6 см, толщина 0,6 см), которая прикреплена к дужке при помощи заклепок, расположенных внутри петли. Дужки округлые и овальные в поперечном сечении, подножка в сечении плоская и по форме округлая (Ковычев, Номоконов, 2013. С. 47). Общая длина стремени 13,8 см, ширина 10,4 см, толщина дужки 0,7 x 1,0 см, максимальная ширина подножки 2,7 см.

В ряде погребений обнаружены подпружные пряжки. Они выполнены из железа или кости. Костяная фигурная пряжка из погребения № 8 могильника Ундугун размером 4,4 x 5,4 см имеет два отверстия для крепления подпруги и костяной язычок длиной 3,7 см, который крепится к пряжке костяным клинышком (рис. 2.1). При этом, конец ремня подпруги продевался в костяные овальные по форме тренчики, украшенные циркульным орнаментом (рис. 2.5). В погребении № 12 могильника Дарасун-VI найдена костяная пряжка овальной формы с прямоугольной петлей (ушком) для крепления подпруги и Т-образным вырезом, предназначенным для соединения второй части подпруги (язычок пряжки не сохранился) (Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И., 2000. Рис. 84-2). Же-

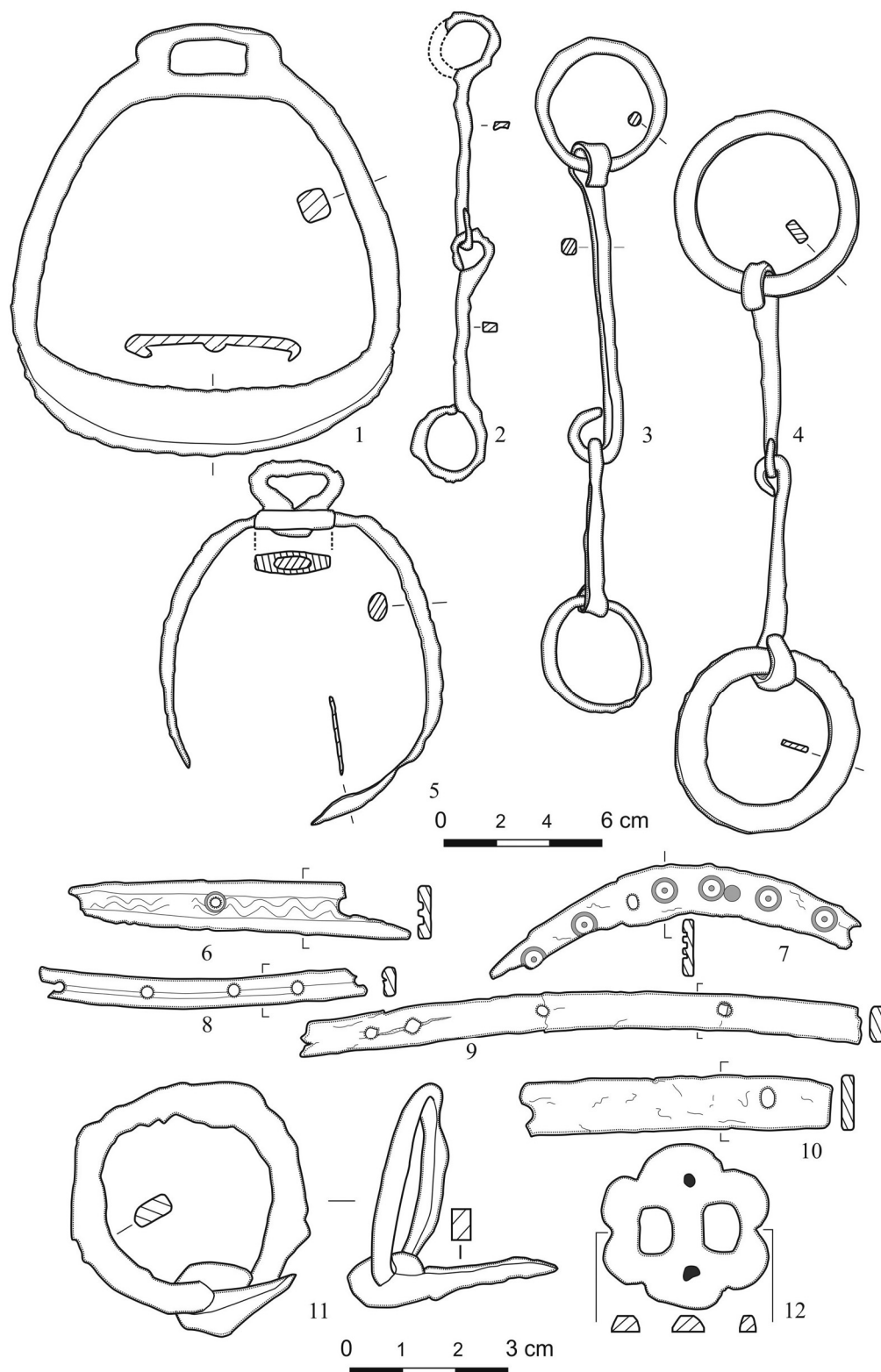

Рис. 1. Предметы конского снаряжения: 1 – железное стремя (Ундугун п. 8); 2–4 – удила (Бутуй-I п. 8, Новотроицк-II п. 11, Новотроицк-I п. 1); 5 – железное стремя (Бутуй-I п. 8); 6–10 – костяные накладки-полосы на полки седла (6, 7, 10 – Ундугун п. 6; 8, 9 – Ундугун п. 8); 11 – железный торок (Новотроицк-III п. 2); 12 – бронзовая бляшка (Ундугун п. 6)

Fig. 1. Items of horse equipment: 1 – iron stirrup (Undugun grave 8); 2–4 – bit (Butuy-1 grave 8, Novotroitsk-2 grave 11, Novotroitsk-1 grave 1); 5 – iron stirrup (Butuy-1 grave 8); 6–10 – bone plates on the saddle (6, 7, 10 – Undugun grave 6; 8, 9 – Undugun grave 8); 11 – iron ring on the saddle (Novotroitsk-3 grave 2); 12 – bronze buckle (Undugun grave 6)

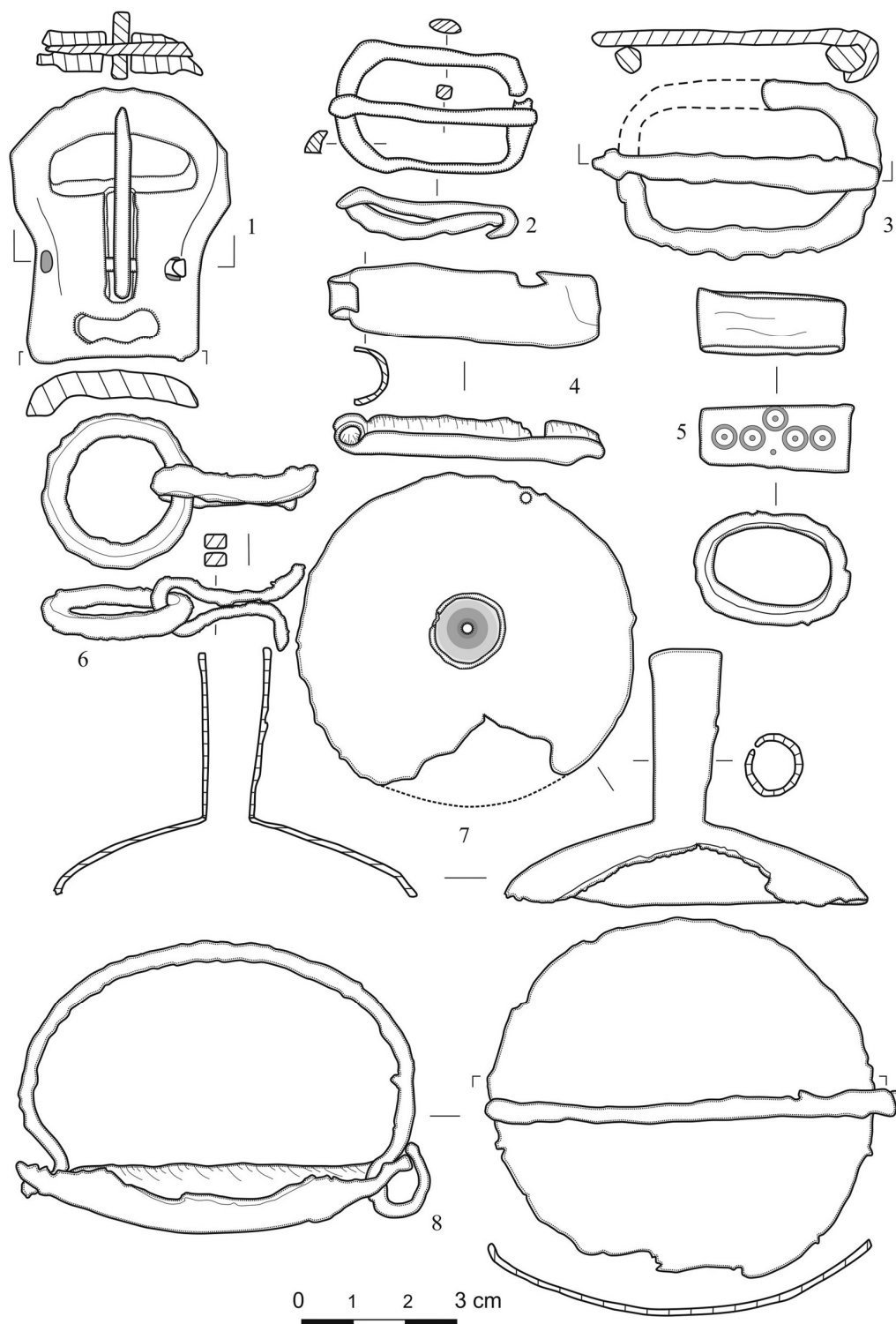

Рис. 2. Предметы конского снаряжения: 1 – костяная пряжка (Ундугун п. 8); 2–3 – железные пряжки (Новотроицк-II п. 9, Ундугун п. 10); 4 – железный распределитель ремня (Новотроицк-I п. 3); 5 – костяной тренчик (Ундугун п. 8); 6 – железный торок (Ундугун п. 7); 7 – железный султанчик (Новотроицк-III п. 7); 8 – железная подвеска (Новотроицк III п. 7)

Fig. 2. Items of horse equipment: 1 – bone buckle (Undugun grave 8); 2–3 – iron buckles (Novotroitsk-2 grave 9, Undugun grave 10); 4 – belt (iron) distributor (Novotroitsk-1 grave 3); 5 – bone ringlet (Undugun grave 8); 6 – iron ring on the saddle (Undugun grave 7); 7 – iron “sultanchik” (horse equipment feature) (Novotroitsk-3 grave 7); 8 – iron suspension (Novotroitsk-3 grave 7)

лезные подпружные пряжки найдены в двух погребениях: № 10 могильника Ундугун (рис. 2.3) и № 9 могильника Новотроицк-II (рис. 2.2). Они однотипные, имеют подпрямоугольную форму (размер 3,5 x 5,1 см и 2,6 x 3,8 см соответственно) и подвижный язычок.

В погребении № 6 могильника Ундугун обнаружены две бронзовые бляшки размером 3,2 x 3,2 см шестигранной (со сглаженными углами) и округлой (в виде шестилепесткового цветка) формы с двумя прорезями для подергивания ремешка (рис. 1.12). В этом же погребении зафиксированы костяные накладки-полосы на полки седла (рис. 1.6–10). Они имеют прямые и изогнутые формы, максимальная длина накладок составляет 11–12 см, ширина варьирует от 0,5 до 1,1 см, толщина их не превышает 0,3 см. В них проделаны округлые и квадратные отверстия, позволяющие при помощи шпеньков крепить накладки к седлу. Некоторые накладки украшены вырезанными волнистыми линиями (рис. 1.6) или циркульным орнаментом (рис. 1.7).

В погребении № 3 могильника Новотроицк-I зафиксированы железные распределители ремней – тройник (рис. 2.4). Тройник состоит из трех распределителей (один сохранился фрагментарно), которые соединялись кольцом (кольцо не сохранилось), продетым в распределители. Распределители в поперечном разрезе имеют С-образную форму, размер их равен 1,5 x 5,3 см. Подобные тройники относят к снаряжению коня (Медведев, 1977. С. 140), однако есть мнение, что они могли являться деталями портупеи колчана (Васильев, 2006. С. 159–161). На могильниках Ундугун, Новотроицк-III и Дворцы-III, зафиксированы торочные кольца. Диаметр колец их не превышает 2–3 см. В кольца продеты пробои, предназначенные для крепления колец с седлом (рис. 1.11; 2.6).

В погребении № 7 могильника Новотроицк-III, найден железный султанчик (рис. 2.7). Он состоит из двух частей – султанной втулки и пластины. Султанная втулка полая внутри, с сомкнутым швом. Она перпендикулярно зафиксирована в пластине и расширяется от основания. Длина втулки 3,3 см, диаметр у основания 0,5 см, диаметр на конце

втулке 1,2 см, толщина стенки 0,1 см. Пластина султанчика выпуклой формы, имеет диаметр 6,5 см, толщина стенки 0,1 см, на расстоянии 0,4 см от края располагается овальное отверстие (длина 0,2 см, ширина 0,1 см). Вероятнее всего, на противоположной стороне пластины также имелось аналогичное отверстие, но край ее разрушен. При помощи этих отверстий султанчик крепился к ремню оголовья (Номоконов, 2012. С. 74). Впритык к султанчику, который находился в ногах умершего, располагалась чашеобразная подвеска, также относящаяся к фурнитуре (рис. 2.8). Диаметр «чаши» подвески равен 7,4 см, высота 1,3 см. Высота дужки составляет 5,4 см, ширина 8,1 см. В «чаше» проделаны два отверстия, в которые продеты концы дужки, образуя петли.

Заключение

Рассмотренные предметы конского снаряжения указывают на то, что верховой конь имел большое значение в жизни населения ундугунской культуры. Подтверждением этому служит, во-первых, стремление различными способами украсить амуницию коня, во-вторых, конское снаряжение найдено в мужских, женских и ритуальных захоронениях. Также предметы снаряжения коня позволяют при помощи сравнительно-хронологического метода датировать исследованные захоронения. Наиболее массовым материалом, зафиксированным на всех могильниках являются двусоставные «крючковые» удила с кольчатыми псалиями. Подобные удила распространяются с конца I тыс. н. э., а в монгольское время вытесняют другие формы и конструкции (Гаврилова, 1965. С. 84; Худяков, 1979. С. 49; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002. С. 66).

Железные пластинчатые стремена, найденные на могильниках Ундугун и Дворцы-III, а также железное стремя со вставленной петлей из могильника Бутуй-I находят широкие аналогии в памятниках евразийской степи и датируются XII–XIV вв. (Кызласов, 1969. С. 163; Хамзина, 1970. С. 114; Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 52; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002. С. 75–79; Тишкин, 2009. С. 186, 191).

Две бляхи-подвески, обнаруженные на могильнике Ундугун, вероятнее всего, украшали нащечные ремни узды. Они схожи с подобными подвесками, обнаруженными в Лесостепном Алтае на могильнике Телеутский Взвоз-I, который датируется исследователями второй половиной XIII – началом XIV в. (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002. С. 72–73). Из могильника Ундугун происходят роговые накладки-полосы от полок седла. Похожие накладки для окантовки седла известны в материалах погребальных памятников XIII–XIV вв. на Тянь-Шане, Новосибирского Приобья, лесостепного Алтая (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002. С. 82; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001. Рис. 8).

Как мы видим, большинство предметов конского снаряжения, за исключением костяной подпружной пряжки из погребения № 8 могильника Ундугун, а также султанчика и чашеобразной подвески из погребения № 7 могильника Ново-троицк-III, находят аналогии в погребальных комплексах далеко за пределами Восточного Забайкалья, которые датируют XIII–XIV вв. Стоит отметить,

что данные предметы, также аналогичны предметам, найденным в монгольских захоронениях Юго-Восточного Забайкалья, а именно в погребениях могильников Будулан, Чиндант-I (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 45–59), Улан-Хада-III, Малая Кулинда (Ковычев, 1980)¹, Чиндаци-V (Номоконов, Ковычев, 2018). Данные памятники датируются XII–XIV вв. В связи с тем, что радиоуглеродный анализ погребений ундугунской культуры не проводился, мы можем применять только сравнительно-хронологический метод. Анализ погребальной обрядности и вещевого комплекса ундугунской культуры в целом и предметов снаряжения верхового коня в частности, позволяет определить время существования ундугунской культуры XII–XIV вв. Проводить же верхнюю границу существования ундугунской культуры XV в., как это делал И.И. Кириллов, необоснованно.

¹ Ковычев Е.В. Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1980 году. Чита, 1980. 168 с.

Библиографический список

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука. 1984. 201 с.

Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н. э.). Владивосток: Дальнаука, 2006. 376 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: 1965. 146 с.

Кириллов И.И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 123–138.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.

Ковычев Е.В. Бурхотуйская культура // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011а. С. 82–83.

Ковычев Е.В. Дарасунская культура // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011б. С. 109–110.

References

Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. (1984) Nomads of Transbaikalia in the middle ages (based on the materials of burials). Novosibirsk: Nauka. 201 p. (In Russ.)

Vasiliev Yu.M. (2006) Funeral rite of the Pokrov culture (IX–XIII centuries ad). Vladivostok: Dalnauka. 376 p. (In Russ.)

Gavrilov A.A. (1965) The repository Kadirga as a source on the history of Altai tribes. Moscow-Leningrad. 146 p. (In Russ.)

Kirillov I.I. (1983) Undugunskaya culture of the iron age in Eastern Transbaikalia. *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya* = In the footsteps of ancient cultures of Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka. P. 123–138. (In Russ.)

Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I. (2000) Darasun complex of archaeological monuments. Eastern Transbaikalia. Novosibirsk: Publishing house of the Institute of archaeology and Ethnography SB RAS. 176 p. (In Russ.)

Kovychev E.V. (2011a) Burhotuiskaya culture. *Malaya ehntsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya* = Small encyclopedia of Transbaikalia. Archaeology. Novosibirsk: Nauka. P. 82–83. (In Russ.)

Kovychev E.V. (2011b) Darasunskaya culture. *Malaya ehntsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya* = Small encyclopedia of Transbaikalia. Archeology. Novosibirsk: Nauka. P. 109–110. (In Russ.)

Ковычев Е.В., Номоконов А.А. Средневековый могильник Бутуй-1 // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции: сб. ст. Чита, 2013. Т. 2. С. 45–49.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ. 1969. 212 с.

Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней: конец X–XI вв. (по материалам грунтовых могильников). Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.

Номоконов А.А. Погребение воина монгольской эпохи из лесостепного Забайкалья // Гуманитарный вектор. Чита: ЗабГУ, 2012. № 2 (30). С. 69–76.

Номоконов А.А. Внутримогильные конструкции погребений монгольского времени из лесостепной полосы Восточного Забайкалья // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук, проф. П.Б. Коновалова. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. С. 185–190.

Номоконов А.А., Ковычев Е.В. Погребальные комплексы Юго-Восточного Забайкалья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы IX международной научной конференции. Улан-Удэ, 2018. Т. 2. С. 77–83.

Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторическом прошлом якутов) // Наука и школа. Чита: 1923. № 1. С. 21–39.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2002. 276 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения первой половины II тыс. н. э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 146–161.

Kovychev E.V., Nomokonov A.A. (2013) Medieval burial ground Butuy-1. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: sb. st.* = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Materials of Intern. scientific Conf. Chita. Vol. 2. P. 45–49. (In Russ.)

Kyzlasov L.R. (1969) History of Tuva in the middle ages. Moscow: MSU. 212 p. (In Russ.)

Medvedev V.E. (1977) Culture of the Amur Jurchens: the end of the X–XI centuries (based on the materials of underground burial grounds). Novosibirsk: Nauka. 224 p. (In Russ.)

Nomokonov A.A. (2012) Burial of a warrior of the Mongol epoch from the forest-steppe Transbaikalia. *Gumanitarnyi vektor* = Humanitarian vector. Chita: Zabgu. No. 2 (30). P. 69–76. (In Russ.)

Nomokonov A.A. (2017) Internal burial structures of the Mongol period from the forest steppe zone of Eastern Transbaikalia. *Aktual'nye voprosy arkheologii i ehtnologii Tsentral'noi Azii: materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu doktora istoricheskikh nauk, prof. P.B. Konovalova. Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Topical issues of archeology and Ethnology of Central Asia: materials of the II international scientific conference dedicated to. The 80th anniversary of doctor of historical Sciences, Professor P.B. Konovalov. Institute of Mongol studies, Buddology and Tibetology of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. P. 185–190. (In Russ.)

Nomokonov A.A., Kovychev E.V. (2018) Burial complexes of South-Eastern Transbaikalia. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya: materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* = Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China Proceedings of the IX international scientific conference. Ulan-Ude. Vol. 2. P. 77–83. (In Russ.)

Petri B.E. (1923) Prehistoric blacksmiths in the Baikal region (to the question of prehistoric. the past of Yakutia). *Nauka i shkola* = Science and school. Chita. No. 1. P. 21–39. (In Russ.)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Kazakov A.A. (2002) Burial Mound Teleutsky Vozvoz-1 and culture of the population of the forest-Steppe Altai in the Mongol time. Barnaul: Altai State University. 276 p. (In Russ.)

Tishkin A.A. (2009) Altai in the Mongol time (based on the materials of archaeological monuments). Barnaul: Azbuka. 208 p. (In Russ.)

Umansky A.P., Tishkin A.A., Gorbunov V.V. (2001) Burials of the first half of the II Millennium ad on the Ilinka burial ground in the Altai territory. *Altai i sopredel'nye territorii v ehpokhu srednevekov'ya. Barnaul* = Altai and neighboring territories in the middle ages. Barnaul. P. 146–161. (In Russ.)

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970. 140 с.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Монгольские погребения XIII–XIV вв. из Прибайкалья: общие и локальные черты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2011. С. 198–199.

Харинский А.В. Погребальная практика монголов в XII–XIV вв. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции: сб. ст. Чита, 2013. Т. 2. С. 125–131.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Могилище Окошки-I в Юго-Восточном Забайкалье и некоторые аспекты идентичности монголов в XIII–XIV вв. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова / под редакцией С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. 2016. С. 65–68.

Худяков Ю.С. Находки монгольского времени с. Белый Яр // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 46–52.

Критерии авторства

А.А. Номоконов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись, документы и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Номоконов Алексей Александрович,
член Совета,
Забайкальское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры»,
672038, Забайкальский край, г. Чита, ул. Сухая Падь, 5, Россия,
✉ e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

Khamzina E.A. (1970) Archaeological sites of Western Transbaikalia. Ulan-Ude. 140 p. (In Russ.)

Kharinsky A.V., Kovychev E.V., Kradin N.N. (2011) Mongolian burials of the XIII–XIV centuries from the Baikal region: General and local features. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda* = Proceedings of the III (XIX) All-Russian archaeological Congress. Novosibirsk. P. 198–199. (In Russ.)

Kharinsky A.V. (2013) Funerary practice of the Mongols in the XII–XIV centuries. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: sb. st.* = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: materials of Intern. scientific Conf. Chita. Vol. 2. P. 125–131. (In Russ.)

Kharinsky A.V., Kovychev E.V., Kradin N.N. (2016) Okoshki-I burial ground in South-Eastern Transbaikalia and some aspects of Mongol identity in the XIII–XIV centuries. *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy: materialy Sed'moi Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati G.A. Fedorova-Davydova* = Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov. Under the editorship of S.G. Bocharov and A.G. Sitdikova. P. 65–68. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S. (1979) Finds of Mongol time Bely Yar village. History, archeology and Ethnography of Siberia. Tomsk. P. 46–52. (In Russ.)

Attribution criteria

A.A. Nomokonov made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, he own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Alexei A. Nomokonov,
Council member,
Transbaikal regional branch of the All-Russian public organization "The All-Russian society for the protection of monuments of history and culture",
5, Sukhaya Pad' street, Chita 672038, Russia,
✉ e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru